

Содержание

От редакции	7
Предисловие	9
1. РАЗОРВАННЫЙ МИР	13
Моряк в пустыне	15
Письма в никуда	18
Игра подходит к концу	21
Моряк в гавани	24
2. МУЧИТЕЛЬНЫЙ ПУТЬ:	
ПЕРВЫЙ ШАГ	29
Германия: сказка руин	31
Где моя семья?	37
3. МИР ЖЕНЩИН	41
Конец семьи	43
Мужчина в доме	46
Дом без мужчины	63
Мамины дети	76
Семья вне и без закона	84
4. ЗАПАХ БУДУЩЕГО	89
Странное смешение чувств	91
Ожившие мертвецы	96

5. МИР МУЖЧИН	105
Немецкий мужчина в кризисе	107
Возвращение проигравших	110
Выносливость души безгранична	118
Воскресенье воспарения духа	137
Абсолютно нормальные «камрады»	144
6. БУНТ В СТРАНЕ ВСЕОБЩЕГО СОГЛАСИЯ	151
На вершине истинных поэтов	153
Волны недовольства	156
Прощание с предшественниками	161
7. МИР ДЕТЕЙ	163
Юность в опасности	165
В поисках отца	171
Чужой человек в прихожей	187
Стена молчания	199
У нас нет больше учителей	214
8. ПРИЗРАК ПО ИМЕНИ МОЛОДЕЖЬ	225
Причудливый клубок противоречий	227
Мсть «кожаных курток»	229
Снова на фронте	235
Хулиган поневоле	238
9. ЯЩИКИ ПАНДОРЫ	249
Источники цитат	266
Источники и литература	267
Хронологическая таблица	281

От редакции

Эта книга, с одной стороны, основана на дневниках, письмах, воспоминаниях и устных сообщениях за полтора десятка лет, прошедших после окончания Второй мировой войны. Авторы описывают в них личные переживания послевоенного времени в контексте совместной жизни со своими мужьями и женами, отцами, матерями и детьми. Эти тексты собраны под заголовком «Воспоминания и дневники современников» в указателе источников и литературы. Помимо этого, слово было предоставлено и так называемым детям войны и поколению внуков; эти материалы помещены во втором разделе — «Посмертные воспоминания и семейные истории». Описание фоновых событий подкрепляется многочисленными историческими фактами, изложенными в третьей части под заголовком «Дополнительная литература». Дословные цитаты выделены курсивом или отсечены отступами; орфография и пунктуация их сохранены без изменения. Подтверждающие источники можно найти в приложении, в разделе «Указатель цитат». На основании закона о защите персональных данных некоторые имена изменены.

Предисловие

Есть много причин ненавидеть пятидесятые годы.

Достаточно взглянуть на преступную коррумпированность, насквозь пронизавшую государственную структуру. Всюду, вплоть до высших постов, засели старые «камрады» и плели свои новые сети. На их стороне стояли юристы и бюрократы из той же банды, которая ни за что не желала дать в обиду своих, а, напротив, делала все, чтобы затушевать преступления, соучастником которых была она сама. Свидетельства актов геноцида эти люди заталкивали в дальние углы канцелярских шкафов на съедение бумажным червям.

Таким образом, те, у кого отобрали собственность и убили близких, те, кто из последних сил сумел дожить до освобождения, подвергались глумлению: ни судебной защиты, ни перспектив. К ним не было интереса. Не было даже элементарного сочувствия. Их надежды на справедливость разбились об это холодное пренебрежение. В роли же последних жертв диктатора выступили другие: миллионы ничего не осознавших немцев хотели в итоге выставить пострадавшими себя. Ветераны всех фронтов держались легенды о рыцарском образе солдат вермахта. Они забыли слезы, пролитые по погибшим в Сталинграде товарищам; им даже не приходило в голову теперь, в тишине мира, спросить самих себя о собственном участии в тысячелетней германской катастрофе.

Можно ненавидеть самый дух этого процесса восстановления общества. Рвение мужчин, бросившихся занимать места на ступеньках карьеры, чтобы все выше и выше взбираться по служебной лестнице; и не меньшее усердие женщин, прошмыгнувших в кухни и детские. Каждый играл свою роль в стремлении к собственному дому-крепости и автомобилю на зависть соседям. Они были так сильно поглощены своим старанием, что не находили ни малейшей возможности задуматься о прошлом и об ответственности за него. Очень скоро все пришло к образцовой норме — настолько просты и прямо-

угольны были рамки. Непохожий, неправильный, выбивающийся из общего порядка человек должен был разбить себе о них голову, если не хотел соответствовать. То же утверждала и продукция индустрии развлечений, рисующая жизнь простыми и ясными красками. В качестве главных охраняющих фигур на пике этого общества стояли люди, облеченные авторитетом старого пошиба. В их речах звучал приказной казарменный тон; они руководили автомобильными предприятиями, торговыми фирмами или государством, сознавая полноту своей власти и оставаясь глухими к протестам.

Таковыми можно видеть эти годы и испытывать к ним отвращение.

Есть, однако, и много причин любить пятидесятые.

Это может прозвучать ошеломляюще, но причины эти олицетворены с теми же людьми, нужно только посмотреть на них с другой точки зрения. И в этом ракурсе эти твердолобые мужи предстают рулевыми государства и бизнеса, излучающими после поражения уверенность в себе и в своих силах. Не было ничего более необходимого для народа, лишенного всякой способности к ориентации. То были люди, не знавшие, что такое «если» и «но», они напролом шли вперед, противопоставляя беспомощности свою уверенность.

Они воплощали собой гордость, на которую вскоре начало претендовать целое поколение. Но в отличие от имперской великодержавной спеси эта гордость питалась собственными, индивидуальными достижениями. Приобретая домик на вновь отстроенной улице, люди возвращали себе счастье частной жизни, которая была разбомблена, отнята или разрушена. И с этой точки зрения трудовой энтузиазм в те годы был обусловлен не просто стремлением получить работу, он имел вполне определенный мотив. Помимо желания снова стать кем-то, речь шла о том, чтобы снова что-то иметь. Можно было собираться вместе и веселиться, ничего не опасаясь. Немецкая «Party» была изобретением именно того времени. Возвращались давно забытые маленькие радости жизни.

Духом восстановления общества был оптимизм, и именно так воспринимали это время те, кто в нем жил. Роли до полусмерти утомленного на работе служащего, неутомимой домохозяйки и послушных детей устарели, но они же внушали уверенность. Послевоенный период был назван «экономическим чудом»¹ лишь спустя время, ибо сами современники были

¹ Немецкое экономическое чудо (нем. *Wirtschaftswunder*) — период быстрого восстановления экономики ФРГ после Второй мировой войны в период с 1948 до середины 1960-х годов. Впервые термин был употреблен в 1950 году в «The Times».

исцелены верой в чудо. Для них важнее самого чуда были покой и нормальность. Вести обычную жизнь в кругу воссоединенной семьи после нескольких лет разобщенности стало немецким представлением о рае на Земле. Страна наконец смогла перевести дух. Этот покой позволил дистанцироваться от ужаса недавнего прошлого.

Для одних это было спасением из водоворота трагедий, для других — величайшим обманом эпохи, ибо в основе этого покоя лежал заговор молчания, запретивший называть своими именами и вытеснивший из сознания общества его преступления. Из этого сложилась атмосфера пятидесятых годов — кладбищенская тишина над могилами миллионов жертв, в том числе и собственных. Забвение стало гражданской добродетелью. Шум моторов и грохот строек стали звуковым сопровождением эпохи. Внутри, за фасадом, царил гнетущая тишина.

В этом крылось несоответствие: немцы вышли из моральной и материальной катастрофы очень неуверенно и хотели лишь маленького человеческого счастья. В расхожих образах и картинах этой эпохи время после драмы тридцатых и сороковых годов видится по большей части как ровная поверхность: «моторизованный бидермайер»¹, «дети, кухня, церковь»², «накрахмаленные нижние юбки и овальные столики»³. Никакой глубины, но и никакой бездны. К тому же конец сороковых и пятидесятые были фазой противоречий и вынужденного и не объединяющего соседства. Под застывшей гладкой поверхностью был слой, где обнажались линии разлома и разворачивалась психологическая драма потрясенного в самой своей основе общества.

Сценой этой драмы было то, к чему все немцы всей душой рвались до и после катастрофы: семья, убежище и оплот *нормальной* жизни. Хотя,

¹ «Моторизованный бидермайер» — иронический термин, предложенный для обозначения стиля эпохи экономического чуда немецким писателем и сценаристом Эрихом Кестнером. Собственно, стиль бидермайер получил развитие в 1815–1848 годах, ему свойственны лаконизм, добротная простота, ориентированность на домашний уют. Позже термин бидермайер стали использовать в значении «старые добрые времена».

² «Дети, кухня, церковь» (нем. *Kinder, Küche, Kirche*), или «Три К» — немецкое устойчивое выражение, описывающее основные представления о социальной роли женщины в германской консервативной системе ценностей. Автором данной аллитерации принято считать кайзера Вильгельма II.

³ «Накрахмаленная нижняя юбка и овальный столик» — устойчивое выражение, описывающее послевоенный гламурный стиль 1950-х (нем. «*Petticoat und Nierentisch*», англ. «*Petticoat & Kidney Table*»).

и даже потому, что заговор молчания препятствовал культуре общения, в тесном семейном кругу не так-то легко было скрыть то, что подлежало умолчанию. Даже если никто не говорил об этом вслух, оно пробивалось и становилось заметным в любой мелочи. Просачивалось сквозь щели повседневности, рядилось в образы чудачеств и ритуалов и высказывалось в ссорах мужчин с женщинами, родителей с детьми. Атмосфера, которую все они совместно создали, была суммой и вершиной их переживаний.

Это была эра семейных тайн — провалов, которые было необходимо скрыть. Частная жизнь за закрытыми дверями вовсе не была тем островком мира и покоя, о котором мечтали в Германии все — от вернувшихся домой солдат до министра по делам семьи. Редко у кого все шло по заведенному порядку, словно на уроке танцев. Схема «нормальной жизни» и счастья как семейной повседневности оставалась лишь идеальным представлением о действительности. За закрытыми дверями домов жили мужчины со своими тайными воспоминаниями; женщины, позабывшие о том, что они женщины; и дети, которые видели ссоры взрослых и либо принимали в них участие, либо бунтовали. Женщины, мужчины, дети — три мира, три перспективы и три точки зрения, и все это сплетено в клубок неразрешимых противоречий.

Банальная истина: семья образует ядро общества. Но это ядро имело множество оттенков — от тускло-серого до ярко-алого и иссиня-черного. В глубоко скрытых слоях этого ядра бушевали страсти, теплилось тоскливое томление или царила ледяная холодность. Все это вело к иллюзиям и несбывшимся ожиданиям, метаниям, неискренности, двойной жизни и параллельным семьям.

Немецкий семейный космос после 1945 года был исторически уникальной «опытной конструкцией». Здесь находится ключ к пониманию эпохи и людей, сталкивавшихся друг с другом внутри конструкции. Об этом повествует книга: о драме немецкой семьи за закрытыми дверями, о молчании, о ненависти и любви.

1

РАЗОРВАНЫЙ МИР

Моряк в пустыне

Его занесло в пустыню. Как нарочно, именно его, человека, который всю жизнь рвался в море. Когда он выходил из палатки, раскаленное солнце било в глаза так, что вокруг блекли все цвета. Под ногами сухо шуршал песок. Вокруг, насколько хватало глаз, был виден только лагерь, построенный в строгом геометрическом порядке. Море палаток; примыкавшие друг к другу прямоугольники брезента образовывали еще один огромный прямоугольник, стиснутый по периметру сторожевыми вышками. Вздумай он уйти оттуда, далеко бы не ушел. За колючей проволокой расстился мертвый мир — пыль, галька и раскаленные камни. Пустыня была лучшим тюремщиком, и оружием его было солнце.

Пустыня вместо моря, заточение вместо свободы, лагерное отупение вместо радости возвращения на родину. Когда вечерами в лагере вспыхивали электрические лампы, висевшие на колючей проволоке, пленные не могли избавиться от ощущения, что они зрители какого-то полуфантастического действия.

[⁽¹⁾ «Мир исчезал за этой непроницаемой завесой света. Свет возникал, будто из ничего, в царстве песка, в этом остекленевшем пространстве, без всякого смысла втиснутом в никуда, но, несмотря на это, тщательно охраняемом; картина, лишенная всяких признаков реальности».]

Призрачным и разорванным казался мир после поражения и краха. Вольфрам Матшос всю свою сознательную жизнь был моряком. Ради мечты он в 1930 году отважился на побег из отцовского дома в силезском Вальденбурге. Школьный совет контролировал каждый шаг Вольфрама, но в семнадцать лет он сбежал в Гамбург. Там поступил в мореходное училище, чтобы наконец покинуть сушу. Как только Вольфрам прошел курс обучения, сразу же ушел в океанский рейс.

Вольфрам Матшос стал штурманом дальнего плавания. В 1939 году он был призван в германский военно-морской флот. Во время войны на минном тральщике бороздил воды Средиземного моря, был взят в плен англичанами. В рождественскую ночь 1945 года в лагере для военнопленных под импровизированной самодельной елкой он праздновал свое спасение. Он уцелел, ему было тридцать два, и он мог начать жизнь сначала — на Нордернее, островке в серо-голубом море, где его ждала семья.

Однако транспортное судно, на борт которого в начале 1946 года взошел Матшос, направилось не в Германию, а еще дальше на юг. У Эль-Фаида, на западном берегу Суэцкого канала, англичане высадили его в египетские пески. Матшос оказался одним из примерно ста тысяч немецких военнопленных, которых британцы охраняли в дюжине построенных в пустыне лагерей. Вместо морского бриза песчаные вихри, взметаемые хамсином, так называют египтяне дующий из пустыни ветер. Ближайшим водоемом было тридцатикилометровое соленое озеро, служившее отстойником для судов, проходивших по каналу. Это было похоже на какую-то картину, на которой Бог уничтожил в морской пучине армию фараона, преследовавшую израильтян во главе с Моисеем. Название этого соленого озера звучало как образчик старого доброго английского юмора в отношении немецких пленных: Большое горькое озеро. Матшосу, однако, было не до смеха. Даже на Луне не мог бы он чувствовать себя дальше от всего, что любил.

Естественно, Вольфрам понимал, почему он здесь и почему его нельзя просто отпустить. У британцев были вопросы относительно его роли в организации и становлении национал-социалистского государства. *[(2) В самом начале пребывания в плену каждый был подвергнут допросу, и по его результатам был направлен в ту или иную группу пленных.]* Матшоса направили в группу С, самую многочисленную группу «нацистов». Об этом пленные между собой почти не говорили. Политика, партия, война — со всем этим для них было раз и навсегда покончено, ибо мыслями все они были на родине. Война была проиграна, Германия уничтожена, военный флот отправлен на морское дно. В их душах теплилась одна надежда: вернуться домой, к семье. Так же, как товарищей Матшоса по палатке: Шиппера, Мейера, Рюстмана, как сотню тысяч других, его самого снедала тоска по родине. Еще сильнее мучила неопределенность — с тех пор как были порваны всякие контакты, Матшос не знал, где находятся Ханни и дочери, живы они или нет.

Он познакомился с продавщицей книжного магазина Иоханной Берг, уроженкой Нордернея, на базе военно-морского флота в Вильгельмсха-

фене. Вольф и Ханни поженились в 1942 году, а через два года родились их дочери Ева и Рената. Ханни с детьми переехала к матери Вольфа в Вальденбург, чтобы было полегче. Однако Силезия была захвачена Красной армией. Удалось ли Ханни с детьми бежать оттуда? Добрались ли они до Нордернея? Ждут ли они его? Мысли отчаянно металась в голове. У него не осталось ничего, кроме его семьи — Ханни, Евы и Ренаты. Их имена стали для него надеждой и ожиданием, утешением и верой, заботой, страхом, любовью — всем вместе. Они были его последним якорем, они должны были, они просто обязаны были выжить.

Письма в никуда

После 1945 года в тысячах лагерей, разбросанных по восьмидесяти странам мира, сидели одиннадцать миллионов немецких военнопленных. Все эти военнослужащие считались погибшими или пропавшими без вести. Едва ли в Германии можно было найти семью, где не пропали бы отец, сын, брат или кто-то из близких. Волны войны разметали людей. Тридцать миллионов человек были разлучены друг с другом, каждый четвертый разыскивал близких. Поиск и ожидание стали судьбой поколения. Мир был разорван.

[(3) «Не оставляй меня одну в этом ужасном мире! Вернись, я могу ждать долго, если буду знать, что ты придешь».]

Берта Бёзе ждала Густава Бёзе. Когда война подошла к концу, она находилась в Пассау, в родительском доме, совсем как в те далекие времена, когда еще не знала Густава и, согласно полученной профессии, была обречена на скучную работу банковской служащей. Но потом все изменилось, как будто она никогда и не жила мирной жизнью: в 1943 году ее призвали в вермахт¹, и она стала штабным ординарцем, это было по-настоящему захватывающе — задания на Востоке, встреча с мужчиной своей жизни, дни райского счастья в местечке под названием Дубно, свадьба в Кенигсберге. Теперь все это исчезло, словно никогда и не существовало.

[(4) «Я так тебя любила. Я могу тысячу раз повторять тебе эти слова, как бы далеко от меня ты ни находился. Я хочу, чтобы звезды сказали тебе, как я тебя люблю, как сильно тоскую я по тебе».]

¹ Вермахт (нем. *Wehrmacht*) — вооруженные силы нацистской Германии в 1935–1945 годах.

Эти строки она писала спустя несколько месяцев после капитуляции своему мужу Густаву, который не вернулся с войны. С января 1945 года она ничего о нем не слышала. Как раз в это время она родила их сына Детлева. С громким криком один ворвался в жизнь, в то время как другой из нее исчез. Не было никаких известий, никаких писем, никаких сообщений от сослуживцев, не было даже извещения о смерти. Чудовище войны бесследно поглотило солдата Густава Бёзе. Берта поначалу верила, что война выплюнет его обратно. Она продолжала ждать, и маленький Детлев был живым напоминанием об их общей жизни. Она хотела по-прежнему делить ее с мужем, пусть даже его не было рядом.

Так она начала писать ему в июне 1945 года. То были любовные письма, но адреса, по которому их можно было бы отослать, не существовало, и они оставались неотправленными. Берта писала их не на почтовой бумаге — она записывала их карандашом в тетради, которую ей удалось спасти, покидая Кенигсберг. На исходе казавшегося нескончаемым дня заботливая мать в паре стенографических строчек снова превращалась в двадцатитрехлетнюю влюбленную. Она мечтала показать мужу эти письма, когда он наконец будет навсегда с ними.

[(5) «Я обдумывала и выплескивала на бумагу все мое томление, всю мою тоску о том, как бы мне хотелось рассказать ему об этом самой. Может быть, он все знает и видит меня, когда я вечерами сижу над тетрадкой, думаю о нем и пишу ему».]

В письмах в никуда Берта рассказывала Густаву о своей послевоенной жизни с сыном, который никогда не видел отца. То и дело в строчках всплывало название местечка Дубно, где они познакомились в 1943 году. Дубно — маленький городок на речке Иква в Западной Украине, захваченный вермахтом в первые же дни русской кампании. Там она провела одно лето своей жизни.

«Только не плакать!» — мысленно шептала она. Это были прощальные слова Густава перед его отъездом из последнего отпуска, но слова эти не помогали. Она смотрела на фотографию, на которой ее муж никогда не отводил от нее смеющегося взгляда. Фотография стояла на столе, она была сделана на их свадьбе в Кенигсберге осенью 1944 года. Подробности этого события она и поныне помнила до мельчайших деталей: он в серой солдатской форме, она с букетом роз, голос служащего, регистрирующего брак, — словно счастливый сон. Она до сих пор не забыла ощущение, как прохладное кольцо скользило по ее пальцу. Аромат жареной зайчатины, затем

вишни, а потом они продолжили праздник вдвоем, искренне и чуточку серьезно. События словно оживали, когда она погружалась в созерцание свадебного снимка. В тот день она впервые, расписываясь, написала фамилию Бёзе, а не Прицль, и только тогда окончательно поняла, что это не сон, а реальность. В той же реальности шум фронта уже докатывался до Восточной Пруссии. Тогда она не желала воспринимать то, что уже было очевидным. Реальность ускользала и теперь, когда она у себя дома в Пассау сидела за письменным столом.

[(6) «Густи, я вообще не смею ни о чем задумываться. Я все время судорожно пытаюсь представить себе, что у тебя все хорошо, что все те ужасы, о которых я слышала, не коснутся тебя, они не могут тебя коснуться».]

Игра подходит к концу

В ноябре 1947 года в Братиславе предстал перед судом многодетный отец немецкого семейства. Его обвиняли в преступлении против человечности¹. Ханс Элард Лудин в период с 1941 по 1945 год был представителем Третьего рейха в Словакии, где отвечал за депортацию семидесяти тысяч словацких евреев. Он успел отправить свою семью в рейх до того, как сам в апреле 1945 года, спасаясь от наступающих советских войск, бежал из Пресбурга² в Австрию. Вскоре после этого сдался американцам, которые на основании его показаний отнесли его к категории военных преступников.

[(7) «Ханс говорит, что его дети должны знать, что он непоколебимо стоял за свое дело. Никакого видимого раскаяния, никакого осознания вины».]

Осенью 1946 года американские оккупационные власти передали его чехословацким властям.

У Ханса и Эрлы Лудин было шестеро детей. Всего за три года до этого все они жили в Пресбурге на великолепной вилле, отобранной у ее еврейских владельцев. У четы Лудин был, кроме того, загородный дом в Высоких Татрах. Они праздновали в окружении родственников и друзей традиционные немецкие праздники. Почти до самого своего конца война обходила стороной этот уголок Европы, и семья высокопоставленного дипломата продолжала вести благополучную жизнь. Теперь же супругов разделяли семьсот километров и судебный процесс, на котором Хансу было предъяв-

¹ Преступления против человечности — выделяемая в современном международном праве группа преступлений против жизни, носящих массовый характер.

² Пресбург — немецкое название г. Братиславы, столицы Словацкой республики (1939–1945).

лено обвинение из тридцати пунктов. Четырнадцатилетняя Эрика писала отцу в тюрьму письма, полные тоски. Как рассказывает ее дочь Александра Зенффт в своей книге об истории семьи «Молчание причиняет боль», Эрика была его любимицей, папиной дочкой. Незадолго до того она по настоянию отца отправилась учиться в школу Салем¹.

В письмах, которые Ханс Лудин писал из тюрьмы в Германию, нет душевных излияний, признаний, печали или боли. Обращаясь к семье, он скорее пытался понять смысл того, в чем состояла его жизнь и что означало для него вероятную скорую смерть. Он хотел определить степень своей ответственности и был вынужден исходить из того, что никогда больше не встретится со своей семьей.

[(8) «Это не хорошо и не плохо, это данность, такая же, как мы сами».]

Ханс Лудин пытался сохранить лицо перед самим собой и миром. Из тюрьмы он слал Эрике нравственные наставления о жизни, горячо рассуждая о совести, прилежании, товариществе, о самодисциплине и требовательности по отношению к себе. Он предостерегал свою дочь от бестактности. Проповедь добродетели как отцовское завещание.

3 декабря 1947 года суд в Братиславе признал бывшего «представителя Велико-германского рейха» Ханса Лудина — четырьмя голосами против двух — виновным в соучастии в депортации евреев Словакии. Вместо расстрела его приговорили к повешению. На следующий день он сел за стол и написал прощальное письмо.

[(9) «Игра подходит к концу. Я проиграл и должен приписать себе этот проигрыш, так, как я это чувствую».]

Это письмо он отдал священнику, который его исповедовал. Торопливым почерком написал он обращение к своей жене Эрле, ожидавшей его писем в их поместье Шлесслехоф в Острахе в Верхней Швабии.

[(10) «Ты знаешь мое сердце как свои пять пальцев. В нем нет бесчеловечных чувств, неспособно оно и на бесчеловечные поступки. Моя трагическая вина заключается в том, что я не смог распознать суть и загадочную подоплеку системы, которой служил».]

¹ Школа Салем (нем. *Schule Schloss Salem*, Школа замка Салем) — в описываемый период самая престижная школа-интернат в Германии. Целью основателей школы было вырастить новую интеллектуальную элиту Германии.